

Derrière la vitre
Ронни Дойл

Ронни Дойл

Derriere la vitre

<https://litres.ru/74597568>

SelfPub; 2026

Аннотация

В доме напротив никто не жил. Но каждую ночь там зажигался свет. А потом на стекле начали появляться надписи: "я знаю твоё имя", "не прячься".

Она думала, что это просто тень. Пока тень не начала писать ей.

Атмосферная история о девочке, окне и тени, которая оказалась ближе, чем она думала.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Ронни Дойл

Derriere la vitre

Introduction¹

В доме напротив никто не жил. Давно. Дверь заперта, длинные тени. Но иногда в одном из окон зажигался свет. Жёлтый, тусклый, больной—как свет в пустой больничной палате

Там когда-то жила девочка. Она почти не выходила на улицу. Соседи видели её только у окна —она сидела и смотрела в пустоту. Никто не знал, что она искала.

А потом она просто исчезла. Не уехала, не убежала —перестала возвращаться домой.

Дом заколотили. Но свет всё равно зажигался.

Люди говорили —это просто игра теней. Но те, кто смотрел в то окно слишком долго, начинали чувствовать, что кто-то смотрит на них в ответ. Изнутри. Из их собственной комнаты. И тогда становилось поздно закрывать шторы.

Эта книга родилась не из страха, а из тишины. Из тех вечеров, когда кажется, что на тебя смотрят из пустоты.

Спасибо, что вы со мной —от первой строки до последней.

Если у вас будет пара минут после прочтения —напишите мне отзыв. Я правда буду ждать. Ваш голос помогает этой

¹ Введение (Translated from French)

истории продолжаться.

Chapitre² 1.

Та, что смотрит.

Осень пришла в этот город не с листьями, а с дождём. Он шёл уже третью неделю –серый, мелкий, настойчивый, как стук в дверь, которую никто не хочет открывать. Небо опустилось так близко, что казалось –его можно достать рукой, если высунуться из окна. И Виолетта иногда это делала. Высовывала ладонь, ловила капли дождя и смотрела, как они стекают по коже, холодные и живые.

Она любила дождь. Он делал мир тише. Мягче. В нём было легче быть незаметной.

Она жила на втором этаже в старом панельном девяти-этажном доме. Её комната выходила во двор, но не в тот, где играют дети, -в тот, что смотрит на пустой дом, напротив.

Дом стоял там уже много лет, никто не знал точно, когда он опустел. Просто однажды в окнах перестал зажигаться свет, и всё. Остался только серый, облупившийся фасад, заколоченные двери и тишина, которая висела над ним как облако.

Виолетта привыкла к этому дому. Он был частью пейзажа, как дерево или фонарь. Она не думала о нём. Пока однажды вечером не заметила свет.

Это произошло случайно. Она сидела за столом, делала

² Глава (Translated from French)

уроки —или делала вид, что делает. Ручка скользила по бумаге, но взгляд был устремлён куда-то за пределы комнаты. Она подняла глаза, чтобы посмотреть на дождь, и увидела его —жёлтое, тусклое свечение в окне на третьем этаже.

Виолетта замерла. Она смотрела несколько секунд, не дыша. Потом моргнула. Свет не исчез. Он горел ровно, без мерцания, как светлячок, застрявший в стекле.

Она подошла ближе к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и вгляделась. Дом был пуст. Она знала это точно. Но в том окне, за грязным стеклом, горел свет. И в этом свете заметила тень.

Нечёткий силуэт, который стоял неподвижно. Не приближался. Не отдалялся. Просто был.

Виолетта не могла сказать, сколько она простояла так. Минуту? Десять? Ей казалось, что время остановилось. Она смотрела на тень, и тень смотрела на неё. И в этом взгляде не было ничего угрожающего —только тишина. Такая же, как за окном.

- Ты чего застыла? —голос мамы донёсся из коридора. —ужин стынет.

Виолетта вздрогнула, отшатнулась от окна и зачем-то отдёргнула штору, словно пряталась.

-Иду, -ответила она, но голос прозвучал тихо, как будто не её.

Она отошла от окна, выключила свет и вышла в коридор. Но на кухне она сидела молча, почти не прикасаясь к еде. Её

мысли были не здесь. Они были там — в жёлтом окне пустого дома, где стояла тень и ждала.

И она знала — она вернётся.

Виолетта сидела за столом, но тарелка перед ней оставалась нетронутой — еда остыла, пар больше не поднимался над супом, и даже хлеб, который она отломилась десять минут назад, уже начал засыхать на краю тарелки, как будто его никто и не собирался есть. Вилка лежала на скатерти, чай в кружке давно перестал парить, и на поверхности образовалась тонкая плёнка. Виолетта смотрела сквозь стену — не на занавески, не на люстру, не на маму, которая ходила по кухне. Её взгляд был устремлён куда-то далеко-далеко — за горизонт, за тишину, за границу привычного мира, туда, где реальность начинала трескаться, как старая штукатурка. Она не слышала, как мама включила чайник, не замечала, как за окном медленно сгущаются вечерние сумерки, превращая небо из серого в тёмно-синий оттенок, а тени на стенах — в длинные, тягучие фигуры. Она была не здесь. Она была там — в том жёлтом свете, который уже начинал разгораться в окне напротив, как свет из прошлого.

- Твой папа вернётся через пару часов, — сказала мама, прерывая тишину. Она стояла у вешалки, застёгивая пальто, поправляя шарф и заглядывая в сумочку в поисках ключей. — Я пока отойду в магазин. На полчаса. Может, на сорок минут. Ты посидишь одна?

Слова повисли в воздухе. Виолетта медленно перевела

взгляд на маму, моргнула, будто просыпаясь, и внутри неё что-то сжалось. Ей не хотелось оставаться одной. Особенно сейчас, когда вечер опускался на улицу, а в том окне уже начинал загораться свет. Ей хотелось попросить маму остаться, сказать, что ей страшно, -но её голос не слушался.

-Конечно, -ответила она, и её собственный голос показался ей чужим. Тихим, почти шёпотом. Словно она говорила не с мамой, а с тем, кто ждал её за стеклом.

Мама улыбнулась –небрежно, занято, уже думая о своём –и вышла за дверь. Её шаги стихли в коридоре, хлопнула входная дверь, и в квартире стало тихо. Очень тихо. Так тихо, что Виолетта слышала собственное сердце.

Она приподнялась из-за стола, прошла в коридор и остановилась у двери в свою комнату. Свет из гостиной падал на пол, но в её комнате было темно. Только прямоугольник окна светился серым вечерним небом. И в этом прямоугольнике –далеко, через дорогу, через пузырь и старые деревья –уже горело то окно.

Она сделала шаг в комнату, не включая свет. Подошла к подоконнику, оперлась ладонями о холодное стекло. Оно было ледяным. Она прижалась лбом к стеклу, вглядываясь в жёлтое пятно напротив, и в её голове зашевелились мысли. Сначала тихие, почти умоляющие, как попытка удержаться за логику.

«Может, это просто дети балуются?»

Она почти поверила в это. Представила, как мальчишки

пробираются через сломанный забор, поднимаются по скрипучей лестнице, смеются и зажигают фонарики. Им весело, они не знают, что за ними кто-то наблюдает.

Но тут же второе предчувствие перекрыло первое, как холодная рука на плече.

«Может, кто-то приехал? Новосёлы?»

Она попыталась ухватиться и за эту идею. Может, электричество всё-таки включили? Может, кто-то купил квартиру в этом доме, привёз мебель, зажёл свет и теперь осваивается? Ведь такое бывает. Дом не может стоять вечно пустым.

Но от этого осознания стало ещё страшнее. Потому что она знала – в этот дом никто не мог переехать. Никто. Она вспомнила, как отец однажды рассказывал – небрежно, за ужином, даже не подозревая, что эти слова когда-нибудь станут для неё ледяным якорем. Он говорил, что дом напротив заколочен. Все окна, все двери. Никто не возвращался туда уже десять лет. С тех пор, как семья, живущая там, ночью снялась с места – без криков, без прощаний. Просто собрала вещи и вышла в темноту. И больше их никто не видел.

Виолетта пыталась найти объяснение, ухватиться за любое логичное суждение, которая могла бы вернуть ей покой. Может быть, это новосёлы? Или дети балуются, пробрались через заколоченные двери, зажгли свет, смеются там. Но эта тихая догадка рассыпалась, едва родившись. Она знала – в этот дом не заходили уже много лет. Никто не переезжал, не забирался внутрь, не зажигал свет. Дом стоял молча, и его

окна были тёмными всегда. Кроме одного. Кроме того, в котором горел жёлтый свет, ожидая, когда она снова посмотрит. И этот свет не знал логики.

Она стояла у стекла, и слова отца возвращались к ней, как эхо. Свет в этом окне был невозможен. Но он горел. Тень стояла там, где десять лет никто не стоял. И в этом противоречии жил её страх — настоящий, глубокий, необъяснимый. Она не знала, что страшнее: увидеть невозможное или осознать, что она одна видит его. И не может перестать смотреть.

А если не дети, не новосёлы, не рабочие, не случайные прохожие, -тогда кто?

Виолетта посмотрела на свет, который дрожал в темноте. Он не мерцал. Он горел ровно, спокойно. Как будто он знал, что она смотрит. Как будто он ждал.

Она перевела дыхание, и по спине пробежали мурашки — холодные, как прикосновение невидимых пальцев, оставляющие за собой дорожку дрожи, которая поднималась до поясницы к затылку, заставляя её замереть и прислушаться к тишине, которая вдруг стала плотной и осязаемой.

Она отошла от окна, закрыла шторы. Но даже сквозь плотную ткань она чувствовала его присутствие. И знала — он всё ещё там. И будет ждать. Пока она снова не откроет шторы и не посмотрит.

А она откроет. Она знала это. Потому что уже не могла не смотреть.

Отец Виолетты вошёл в квартиру через пятнадцать минут после того, как мама закрыла за собой дверь. Он снял куртку, повесил её на вешалку, поправил шарф и уже хотел пройти на кухню, но что-то заставило его остановиться. Что-то в тишине, которая встретила его в коридоре. Она была слишком плотной, слишком натянутой, как струна перед тем, как лопнуть. Он прислушался – в квартире не было слышно ни звука. Ни шагов, ни голоса, ни музыки, которую Виолетта иногда включала, когда делала уроки. Только тишина. И в этой тишине он почувствовал: что-то не так.

Он медленно прошёл в гостиную, заглянул в её комнату – и остановился у порога. Виолетта стояла у окна. Не шевелилась. Не обернулась на звук его шагов. Она просто стояла, прижавшись лбом к стеклу, и смотрела в одну точку. Её руки лежали на подоконнике, пальцы были напряжены, побелели – как будто она вцепилась в стекло, чтобы не упасть. Её дыхание было ровным, но слишком контролируемым, как будто она боялась выдохнуть громче, чем нужно.

Отец подошёл ближе и встал у неё за спиной. Она не слышала его. Она была не здесь. Она была там – за стеклом, в темноте, в том жёлтом свете, который он сам никогда не замечал. Но она его видела. И этот взгляд был не обычным. Не тем, каким смотрят на прохожих, на машины, на дождь. Это был взгляд человека, который пытается разглядеть ответ в пустоте. Который боится того, что увидит, но не может пе-

рестать смотреть. Как будто за стеклом было нечто, что требовало её внимания. Что-то, что уже завладело её взглядом и не отпускало.

Он положил руку на её плечо, и она вздрогнула так резко, как будто он дотронулся до оголённого провода. Её тело напряглось, она дёрнулась, как будто пыталась вырваться из чьих-то рук, и только через мгновение узнала его, выдохнула, но не расслабилась.

—Чего высматриваешь? —спросил он, стараясь говорить спокойно, хотя внутри него самого шевельнулась тревога. Он видел её глаза, когда она обернулась —расширенные, тёмные, с отблеском страха, который она пыталась спрятать, но не могла. Он видел, как её зрачки сузились, когда он заговорил, как она заставила себя улыбнуться —но эта улыбка была как маска, которая вот-вот треснет.

—Нет-нет, всё хорошо, —ответила она, и её голос прозвучал слишком громко, слишком бодро, как будто она пыталась убедить не только его, но и себя. —как на работе дела шли сегодня?

Она перевела взгляд на его руки, на его рубашку, на стену —только не на окно. Но он заметил: она не отвела взгляд окончательно. Она просто ждала, пока он уйдёт. Чтобы снова посмотреть туда. Он знал это. Он чувствовал это кожей. И в тот момент ему стало холодно. Не от сквозняка —от того, как она стояла у окна. От того, как она смотрела. От того, что он не знал, что она там ищет. И боялся узнать.

Отец вышел из комнаты, и Виолетта осталась одна. Она смотрела ему вслед, провожала его взглядом — и вдруг почувствовала, как тишина в комнате становится слишком плотной, слишком тягучей, словно воздух спустился и давил на лёгкие. Она хотела окликнуть папу, сказать что-то, чтобы он остался, хотя бы на минуту, хотя бы на несколько секунд, чтобы в комнате снова были шаги, голос, жизнь. Но он уже скрылся за дверью.

Виолетта еще долго стояла неподвижно, глядя на пустой дверной проём, и чувствовала, как внутри неё разрастается холодная пустота. Она знала — если она сейчас повернёт голову, увидит окно. Увидит свет. Увидит тень. И снова начнёт думать о том, о чём не должна думать.

Она сделала глубокий вдох, отвела взгляд от двери, развернулась и подошла к столу. Села на стул, отодвинула пустую чашку от кофе и начала перебирать учебники. Ей нужен был учебник по алгебре. Она не помнила, зачем — просто нужно было занять руки, занять глаза, занять разум, чтобы не смотреть в сторону окна.

Chapitre 2

В пустоте.

Она перебирала старые книги на полке, чтобы отвлечься от окна. Пальцы наткнулись на твёрдую обложку — она вытащила старую тетрадь, которую купила год назад и так и не использовала. Она была пустой. Идеально чистой. Как буд-

то ждала, когда её откроют. Виолетта села на кровать, взяла ручку и начала писать:

«День первый

Я увидела свет в окне, напротив.

Он горел.

Он не должен был гореть.

Я смотрела на него.

Он смотрел на меня.

Я не знала, что это.

Но я чувствую, что он знает меня».

Виолетта просидела за дневником до самого вечера, пока голос отца не донёсся из коридора:

-Ужин готов, дочка. Иди мой руки.

Она медленно поднялась, захлопнула тетрадь и, проходя мимо окна на кухню, остановилась на мгновение. Машинально, по привычке, она бросила взгляд в сторону пустого дома –проверить, не забыла ли она что-то важное на подоконнике, не оставила ли ручку, не упала ли страница от тетрадки. Но краем глаза заметила –свет в том окне не горел. Его не было. Тень исчезла. Виолетта застыла. Сердце пропустило удар, а потом забилось чаще. «Показалось», -подумала она. Это точно показалось. Наверное, она так долго смотрела, что её мозг начал дорисовывать то, чего нет. Она постаралась отогнать навязчивую мысль и, сделав глубокий вдох, направилась на кухню.

Она села за стол, и отец поставил перед ней тарелку с лёгким салатом, зелёным, свежим, пахнущим огурцами и зеленью. Виолетта взяла вилку, но ещё не успела сделать укус, как в коридоре послышались шаги –мягкие, знакомые. В дверях показалась Ангелина –мама. В руках она держала коробку шоколадных конфет в золотистой обёртке.

-Виола, это тебе, -сказала Ангелина, улыбнувшись той самой улыбкой, от которой Виолетте становилось теплее, даже в самые хмурые дни.

-Спасибо, мам, -ответила Виолетта, и её голос прозвучал ровно, почти спокойно. Но внутри неё всё ещё дрожала тонкая, едва заметная тревога, как струна, которую перебирают пальцы.

Их отношения были тёплыми, почти безоблачными. Ангелина редко повышала голос, всегда находила время для дочери, помогала с уроками и, казалось, знала, когда та нуждается в поддержке, даже если не просила. За ужином отец бесшумно разлил чай по тёмным керамическим кружкам и поставил перед каждой из них.

-Ой, молодец, Витя, -сказала Ангелина, улыбнувшись мужу. –спасибо большое.

Виктор перевёл взгляд на дочь –в его глазах была улыбка, тёплая, чуть уставшая, как у человека, который любит свою семью тихо, без лишних слов. Он протянул ей кружку, и пар от чая поднялся вверх, а вместе с ним –запах мяты и сухих трав.

-Держи, дочка.

Но Виолетта не подняла глаз. Она взяла кружку, но не посмотрела на отца. Её взгляд был пустым, устремлённым в никуда –сквозь стены, сквозь свет лампы, сквозь тепло, которым был наполнен дом. Её взгляд давно сбежал –туда, за окно, в тот пустой дом, где свет больше не горел, но где она всё равно продолжала его искать. Она не знала, почему он исчез. И почему это пугало её больше, чем его присутствие.

Виолетта поднесла кружку к губам, и пар от чая осел на её ресницах, но она не чувствовала ни тепла, ни вкуса –только горечь внутри себя. Пальцы сжимали керамику слишком крепко, словно кружка была её единственной опорой в комнате, которая вдруг стала слишком большой и пустой. Она смотрела на заваренные листья на дне, но не видела их –она видела тот жёлтый свет, который больше не горел, но преследовал её даже в тишине кухни. Она старалась дышать ровно, улыбаться, кивать, делать вид, что всё в порядке, но внутри неё с каждой секундой росла тихая, липкая тревога.

Мама заметила. Она сидела напротив, и её взгляд, мягкий и внимательный, скользил по лицу дочери, читая то, что та старалась скрыть. Ангелина не торопилась спрашивать –она ждала, когда Виолетта заговорит первой. Но Виолетта молчала. Тогда мама решила подойти иначе –легко, через привычное, через школьное, через то, что всегда было безопасным.

-Виола, а как там у тебя дела в школе? Контрольные были?

Виолетта на мгновение замерла. Слова долетели до неё сквозь пелену мыслей, и ей потребовалась секунда, чтобы вернуться в реальность. Она моргнула, отпила глоток остывшего чая и ответила тихо, почти безразлично:

-Да, были две контрольные по алгебре.

Ангелина чуть заметно улыбнулась. Ей было достаточно и этого – голоса дочери, даже если он прозвучал тихо, даже если в нём не было прежней живости. Она радовалась каждому слову, которое могла вытянуть из Виолетты, как нитку из клубка.

-Результаты пришли? –спросила она, наклоняясь чуть ближе.

Виолетта задумалась. Она перевела взгляд на свои руки, на кружку, на скатерть, только не на маму.

-Результаты первой контрольной нам объявили вчера, - сказала она.

Ангелина кивнула, но в её глазах зажглась искорка интереса. Она отложила вилку и сложила руки на столе, готовая слушать.

-И сколько у тебя там вышло?

Виолетта подняла взгляд на маму. В её глазах мелькнуло что-то похожее на робость, почти детская неуверенность, которая вернулась на мгновение из тех лет, когда она боялась приносить домой тройки.

-А ты не будешь ругать? –тихо спросила она.

Ангелина сначала слегка нахмурилась, но это было не

недовольство, а скорее — удивление — она не понимала, о чём говорит дочь. Но через мгновение черты её лица смягчились, и она улыбнулась той тёплой улыбкой, которая говорила: «я никогда не буду ругать тебя за то, что ты стараешься».

— Нет, конечно, доченька. Сколько поставили?

Виолетта потянулась к подоконнику и взяла дневник, который лежал там с самого утра. Она открыла его на нужной странице и протянула маме. Ангелина взяла дневник, пробежала взглядом по строчкам, остановилась на жирной, уверенной четвёрке с плюсом, и на её лице появилось выражение удивления, которое медленно переросло в лёгкий смех.

Она подняла глаза на дочь, перевела взгляд на оценку, потом снова на дочь.

— Из-за этого ты думала, что я буду тебя ругать? — спросила она, и в голосе её звучало такое искреннее удивление, что Виолетта едва заметно улыбнулась — впервые за весь вечер. Но внутри, глубоко, тревога всё ещё жила.

Виолетта подняла взгляд на маму, и в её глазах мелькнула та усталость, которую она так долго пыталась спрятать за ровным голосом и спокойным лицом. Она перевела дыхание, и тяжесть дня опустилась на её плечи, пока она произносила мягко, почти шёпотом:

— Я сегодня очень устала. Я пойду спать пораньше, хорошо? Ужин был очень вкусным. Спасибо, мам. Спасибо, пап.

Она поднялась из-за стола, поцеловала маму в щёку, коснулась плеча отца, и вышла из кухни, оставляя за собой свет,

тепло, голос. Её шаги были тихими, почти неслышными, как будто она боялась нарушить тишину, которая уже ждала её за дверью.

Она зашла в свою комнату и остановилась в дверном проёме, ещё не включив свет. Комната встретила её полумраком, серыми тенями на стенах, знакомым запахом книг и пыли. Но что-то заставило её замереть. Что-то холодное, почти физическое, коснулось её кожи, и её взгляд сам собой скользнул в сторону окна.

Свет горел.

Он был там — жёлтый, тусклый, немигающий, как и всегда. Он зажёгся. Не в ту секунду, когда она вошла, а ровно в тот момент, когда она переступила порог. Она перевела взгляд на часы -21:00. Без секунды. Без опоздания. Она снова посмотрела в окно. Свет горел, как будто ждал её возвращения. Как будто знал, что она сегодня смотрела на него днём и не нашла его.

Она подошла ближе к подоконнику, медленно, боясь спугнуть этот момент. Тень всё ещё стояла там. Та же фигура, тот же силуэт, та же неподвижность — как будто за те часы, что свет не горел, тень не двигалась, не уходила, не исчезала. Она просто ждала. Ждала, когда Виолетта снова посмотрит на неё.

И вдруг Виола поняла то, что не могла объяснить словами. Свет в том окне был не для того, чтобы видеть. Он был для того, чтобы его видели. Он горел не для того, чтобы освещать

комнату. Он горел для того, чтобы она смотрела на него. Чтобы знала: он здесь. И она здесь. И между ними – только стекло, холодное, прозрачное, тонкое, как лёд на реке в конце зимы.

Виолетта легла в кровать и укрылась одеялом до самых плеч, и прохладная ткань окутала её тело, будто пытаясь защитить от чего-то невидимого. Она уставилась в потолок, но видела не белёную поверхность, а тот самый жёлтый свет, который уже вьелся в её память. Вопросы крутились в голове, не давая покоя: «кто это был? Что это было? Почему свет в пустом окне горел именно для неё?». Она смотрела в одну точку, перебирая в уме всё, что видела, и с каждым мгновением ответы ускользали, оставляя только холодную пустоту.

Она бросила взгляд на часы – почти полночь. Время тянулось медленно, ночь казалась бесконечной. Виолетта неслышно поднялась с кровати, ноги коснулись прохладного пола, и она сделала несколько шагов к окну. Пальцы коснулись штор, она отдернула их и заглянула в ночь. Свет в окне пустого дома погас. Там было темно, как будто ничего и не было, как будто это просто игра воображения. Виолетта задержала дыхание, но ничего не изменилось.

Она вернулась в кровать, легла на бок и закрыла глаза, надеясь, что сон придёт. Тишина наполнила комнату, и в этой тишине её страх, как холодный ветер, пронзил сознание:

-Зачем свет в том окне горит именно в 21:00?

Она приоткрыла глаза, и ответ пришёл сам собой, тихий

и ясный. Он был не для того, чтобы она видела. Он горел, чтобы она знала –кто-то есть. Кто-то ждёт.

Chapitre 3

«я не одна в этой комнате»

Виолетта проснулась с тяжёлой головой и пустотой внутри –сон пришёл к ней только под утро, когда часы уже переваливали за два. Она приоткрыла глаза, и первое, что она увидела, –стрелки часов, которые показывали ровно семь утра. Снова школа. Снова уроки. Снова день, который нужно прожить, даже если внутри всё застыло.

Она села на кровать, ноги коснулись пола, но тело казалось чужим, словно она спала не в своей кровати, а на жёсткой земле. Она встала, и усталость разлилась по мышцам, пока она начинала собирать портфель. Учебник химии, алгебры, географии, истории, французского и музыки –она складывала их механически, не думая, просто заполняя рюкзак привычными предметами, как будто это могло вернуть её в обычную жизнь.

Но когда пальцы наткнулись на старую тетрадь в чёрной обложке, она замерла.

Дневник. Тот самый, в котором она писала о свете, о тени, о своём страхе. Она держала его в руках, и в этот момент всё вернулось –тень, тревога, пыльное стекло перед глазами. Она медленно подняла взгляд и посмотрела на окно. Там было пусто. Свет не горел. Тень исчезла. Но внутри неё всё ещё

жило то чувство, что за ней наблюдают из пустоты.

Она перевела взгляд на дневник, потом снова на окно – и резко отбросила тетрадь в сторону, как будто та обжигала пальцы. Она начала выбирать школьную форму, застёгивать пуговицы, заплетать волосы – делала всё, чтобы не думать о том, что лежит на столе. Чтобы не смотреть на ту самую тетрадь.

Через полчаса Виола вышла из подъезда. Утро было серым, холодным, и воздух пах сыростью и землёй. Она шла по тротуару, и когда проходила мимо пустого дома, что стоял напротив её окна, она невольно замедлила шаг. Взгляд скользнул по заколоченным дверям, по облупившимся стенам, по пустым окнам. Виолетта заметила, что одна из дверей была приоткрыта – не та, что вела в подъезд с окном, в котором каждый вечер зажигался свет, а соседняя. Чёрный проём, в который не проникал свет. Она остановилась на мгновение, и холодное любопытство сжало её грудь, но потом она заставила себя идти дальше. Виола продолжала идти, оставляя позади пустой дом с приоткрытой дверью. Она шла по лужицам, и вода разлеталась мелкими брызгами, как осколки стекла. Небо нахмурилось, и вскоре начал моросить лёгкий дождь – мелкий, нудный, как бездна, которая не давала покоя. Виолетта накинула капюшон, пряча лицо от серого неба, и ускорила шаг, чтобы поскорее добраться до школы.

Она вошла в здание, стряхивая капли с куртки, и направилась к расписанию. Алгебра. Первый урок. Она поправила

рюкзак на одном плече, развернулась и медленно пошла на третий этаж, а тяжесть утра всё ещё давила на плечи, не отпуская ни на шаг. В кабинете уже шумели девочки из её класса. Они стояли у окна, смеялись, перекидывались записками, и их голоса казались слишком громкими в утренней тишине. Увидев Виолетту, одна из них подошла ближе, усмехнувшись, и протянула сложенный листок:

-О, Виола, привет! Чего такая грустная? Тебе мальчик подготовил сюрприз на 14 февраля.

Виолетта машинально взяла записку и пробежала по ней глазами: «у тебя такие красивые глаза... телосложение... Может, после школы зайдём куда-нибудь?».

Она читала эти строки и не чувствовала ничего –ни улыбки, ни волнения. Только холодный. Белый шум в голове. Как будто слова были написаны про кого-то другого. Про ту Виолетту, которая жила раньше.

Она молча вернула записку подруге, не сказав ни слова, и прошла мимо них, сев за свою парту у окна. И когда она подняла глаза, то увидела за окном всё то же серое небо. И ей показалось, что где-то там, за крышами, за деревьями, за тучами, кто-то смотрит на неё из того самого окна. Хотя она знала, что этого не может быть. Свет не горел днём. Но чувство –оно оставалось.

К концу учебного дня усталость вновь накрыла Виолетту –не та, что от уроков, а та, что сидела внутри неё и ждала,

когда она останется одна. Она собрала рюкзак, натянула капюшон и вышла из школы, не оборачиваясь. Холодный ветер ударил в лицо, но она не замедлила шаг. Ей нужно было домой. Там, за её окном, снова наступит 21:00.

Она шла по мокрому асфальту, вдоль панельных пятиэтажек, серых и одинаковых, пока не повернула на свою улицу. И тут она заметила соседку из квартиры этажом ниже – пожилую женщину, которая часто сидела у подъезда, но сегодня стояла у самого края тротуара и смотрела в сторону пустого дома. Виолетта заставила себя улыбнуться, подошла ближе, и соседка перевела на неё взгляд.

-Виола, я вчера проходила мимо, -сказала она, и её голос был тихим, но твёрдым. Она указала рукой на то самое окно в пустом доме. –и заметила, как ты смотришь в это окно.

У Виолетты похолодели пальцы. Она сжала лямку рюкзака, задержала дыхание, а потом выдохнула и заставила себя ответить спокойно:

-Просто папа сказал, что туда забежали маленькие дети. Я хотела помочь им оттуда выйти.

Соседка посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом. В нём не было злобы –была тихая, тревожная настороженность. Она медленно перевела взгляд на дом и покачала головой.

-У этого дома двери заколочены уже семь лет, -сказала она, и в её голосе слышалась печаль, смешанная с холодным знанием. –Есть только одна дверь, та, что приоткрыта,

но её не сможет открыть никто. Даже взрослый. Даже сильный человек.

Она посмотрела на Виолу, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на предупреждение.

— Не смотри туда слишком долго, девочка. Ты можешь увидеть то, что тебе не нужно знать.

Виолетта молчала. Она хотела сказать, что уже знает. Что уже видела. Но вместо этого она просто кивнула, прошептала «спасибо» и пошла к своему подъезду. И когда она поднималась по лестнице, она чувствовала, как слова соседки оседают внутри неё холодным осадком. «Эту дверь не сможет открыть никто. Даже сильный человек». Но Виолетта знала — она уже открыта. Она просто ждала.

Виолетта вошла в квартиру и, не снимая обуви, скинула рюкзак с плеча, бросив его под стол — куда-то в угол, не глядя. Она прошла в свою комнату, Виолетта вошла в квартиру и, не снимая обуви, скинула рюкзак с плеча, бросив его под стол — где-то в углу, не глядя, не заботясь о том, упал ли он или остался лежать. Она прошла в свою комнату, не включая свет, и остановилась у окна. Первый взгляд — на часы. 20:59. Второй — на окно напротив. Третий — снова на часы. Стрелки замерли на мгновение, а затем одна из них дрогнула. Двадцать одна минута. Три секунды. Две. Одна. Она считала секунды тихо, почти беззвучно, одними губами:

— Пятьдесят девять...

Свет зажёгся. Мутно-жёлтый. Он не мерцает. Он стоит ровно, как будто кто-то держит его руками и не даёт погаснуть. И в нём снова стоял тот же силуэт — неподвижный, молчаливый, ждущий. Виолетта почувствовала, как холод пробежал по спине, и замерла, не в силах отвести взгляд. Она стояла у окна и смотрела на тень, а тень смотрела на неё, и в этой тишине не было ничего, кроме их двоих.

И вдруг — резкий, сухой стук.

Chapitre 4

Кто-то ждёт.

Виолетта резко обернулась на звук из прихожей, но её отец уже открыл дверь, и в комнату впустили неожиданно-го гостя. Она снова повернулась к окну, и её сердце пропустило удар —она увидела, что баба Валя, уже стояла рядом с ней, глядя в ту же сторону, что и она. Та самая бабушка из квартиры этажом ниже, которая всегда знала больше, чем говорила.

-Виола, -тихо сказала она, положив свою морщинистую ладонь на плечо Виолетты, -ты хочешь знать правду?

Виола замерла, и тепло её руки коснулось плеча сквозь ткань кофты. Она медленно повернула голову и посмотрела в глаза соседке, в которых отражался свет того самого окна, и произнесла шёпотом, почти беззвучно:

-Очень хочу.

Баба Валя вздохнула –тяжело, как будто этот вдох нес в себе годы тишины и забытых страхов. Её голос стал тише, но твёрже, когда она заговорила:

-В том доме, десять лет назад, жила девочка. Твоего возраста. Её никогда не видели на улице –она сидела дома и смотрела в окно, день за днём. А потом она исчезла. Никто не знает, как именно, но говорят... она ушла через окно.

Баба Валя замолчала на мгновение, и в её глазах мелькнула тень, которая не была светом уличных фонарей.

-Она оставила записку для родителей. Там было написано всего три слова: «Он позвал меня».

Виолетта смотрела на неё и чувствовала, как холод разливается по всему телу, как будто кто-то открыл окно в её душе. Она ничего не ответила. Только медленно перевела взгляд на свет в том доме. Он всё ещё горел. И ей показалось, что тень в окне чуть заметно шевельнулась.

Тень в том окне медленно переместилась к правому краю стекла, а затем её рука приподнялась в лёгком, почти неуловимом движении –словно кто-то, стоящий в темноте, подавал знак. Виолетта застыла, не в силах шевельнуться. Она смотрела, как этот молчаливый силуэт двигается в жёлтом свете, и её сердце билось где-то у самого горла, заглушая все звуки мира.

Она уже собралась отвернуться, чтобы пойти с соседкой

на кухню, как вдруг через плечо бросила последний взгляд в сторону того окна. Силуэт по-прежнему стоял там, и его рука, медленная и плавная, снова повторила движение – будто звала её. Виолетта на мгновение перевела взгляд на соседку, ожидая, что та тоже это увидит, но баба Валя уже направилась в коридор.

–Идёмте на кухню, – сказала Виолетта, и голос её прозвучал ровнее, чем она чувствовала. –Я вам чай сделаю. Мама много конфет купила, вы же любите.

Соседка обернулась, улыбнулась и кивнула, после чего скрылась в коридоре, оставив Виолу одну у подоконника. Виолетта сделала шаг, чтобы последовать за ней, но что-то остановило её. Она снова посмотрела в окно. Тень всё ещё стояла там –но теперь она махала рукой. Медленно, отчётливо. Именно ей. Только ей.

Виолетта резко отвернулась от окна, отрывая взгляд от тени, которая всё ещё махала ей из жёлтого света. Она шагнула в коридор и догнала соседку уже на пороге кухни, стараясь не думать о том, что оставила за спиной.

–Бабуля Валя, вам с чёрным чаем какие конфетки больше нравятся? –спросила она, протягивая соседке две конфеты в обёртках. –Попробуйте, а я вам дам коробку тех, которые понравятся.

Она старалась говорить легко, почти весело, но её взгляд то и дело скользил в коридор, в сторону своей комнаты, туда, где за окном, в пустом доме, всё ещё горел свет. Виолетта

чувствовала, как воздух становится плотнее, и, чтобы не выдать себя, опустила глаза на руки и увидела, что баба Валя взяла шоколадную конфету.

—Отлично! —сказала Виолетта, поставив перед ней кружку с горячим чаем, от которого поднимался пар, смешиваясь с запахом мяты и сахара. —Вот вам чаёк. И вот шоколадные конфетки.

Она села напротив, сжимая свою кружку в руках, и её взгляд всё ещё блуждал по той комнате, у окна, где тень продолжала свой молчаливый танец. Она попыталась перевести разговор на что-то обычное, тёплое:

—А вы, кстати, заметили, что в этих конфетах есть вишнёвый вкус? Такой лёгкий, чуть кисловатый...

Соседка взяла конфету, покрутила в руках, но ничего не ответила. Она лишь взглянула на Виолетту, и в этом взгляде не было удивления. Она знала, что Виолетта пытается отвлечься. И она знала, что о том окне так легко не получится забыть. Виола сделала ещё один глоток горячего чая, и тепло разлилось по груди, пока она в который раз пыталась убедить себя, что всё, что она видела, —просто игра теней, обман уставшего воображения. Она почти поверила в это. Почти.

—Виола, а как там у тебя в школе? —спросила баба Валя, отпивая из своей кружки и с теплотой глядя на неё. —ты до одиннадцатого класса остаёшься?

Виолетта моргнула, возвращаясь из наваждений, и ответила:

-Всё хорошо идёт. Думаю, до одиннадцатого останусь. Хочу в медицинский поступить...

Она говорила, но её взгляд невольно скользнул в сторону стены, в сторону комнаты, откуда на пол падал грязно-жёлтый отсвет. И в этот момент она заметила, что свет погас.

Её глаза расширились, дыхание на мгновение остановилось. Она сглотнула, и внутри неё разрасталась пустота, пока она медленно переводила взгляд на бабулю Валю, на её доброе морщинистое лицо. Виола слабо улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, как струна, готовая лопнуть. Она снова посмотрела в сторону своей комнаты. Свет не зажёгся. Там было темно. Но она знала, что завтра в 21:00 он загорится снова. И тень будет стоять там и ждать. Это было не просто игрой теней. Это было предупреждение.

Баба Валя заметила, как взгляд Виолетты задержался на пустой стене. Она поставила кружку на стол и спросила тихо, но настойчиво:

-Чего увидела?

Виола вздрогнула, будто проснувшись от сна, и поспешно перевела взгляд на бабу Валю. Она заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла лёгкой, почти невесомой, как будто она пыталась удержать на поверхности то, что внутри неё уже начало тонуть.

-Птичка летела, -ответила она, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо. -Очень красивая... хотела фото на память сделать. Говорят, что такие птицы приносят удачу, зна-

ли?

Бабуля Валя слегка покачала головой, в её глазах промелькнуло любопытство:

-Не знала. А ты откуда это поняла?

Виолетта пожала плечами, стараясь придать голосу больше живости:

-У меня есть знакомые, которые видели эту птичку. И у них потом случались приятные вещи.

Она говорила, но внутри неё всё дрожало. Она пыталась убедить себя, что просто не замечает отсутствия света за стеной, что её не тянет к тому окну, что история соседки – всего лишь старые слухи. Она пыталась показать бабуле Вале, что ей всё равно. Что она не увлечена. Что она не думает о той девочке, о том жесте, о том, что тень ждала именно её.

Но внутри разрасталась тревога –тягучая, холодная, как утренний туман. Она продолжала думать, что это игра света и ветра. Но она знала –ветер не выбирает, кому махать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.